

ФОРМАЛИЗМ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА

Максим Тумилович*

Резюме

В работе дан обзор литературы по проблеме формализма в экономической науке и его пагубном влиянии на экономическое образование и экономическую науку. Увлечение экономистов формальными методами анализа привело к тому, что современная экономическая наука превратилась в некий раздел социальной математики с выхолащенным содержанием. Формализм способствовал распространению абстрактно-отвлеченного характера исследований и докторского образования. Господствующий в современной экономике подход, базирующийся на формальных доказательствах теорем в рамках сугубо математических концепций, оказался неспособным объяснить реальные экономические процессы и привел к потере популярности экономических знаний среди студентов. В статье на примере теории общего равновесия Жерара Дебре и Кеннета Эрроу рассматриваются становление формализма и причины его популярности.

Классификация JEL: A11, A13, A23, B41, C60, C62, D50

Ключевые слова: формализм, методология экономической науки, докторское образование, математические методы, моделирование, теория общего равновесия

Однажды ночью полицейский увидел экономиста, на корточках ищущего что-то под фонарным столбом. Полицейский осведомился, в чем дело. «Я потерял ключи где-то на аллее», – сказал экономист. Озадаченный, полицейский спросил, почему же тот ищет ключи не на аллее, а под фонарным столбом. «А здесь гораздо лучше видно», – ответил экономист.

Дэвид Коландер

1. ПРЕДИСЛОВИЕ

Во время учебы в университете я многое слышал о достоинствах докторского экономического образования и успехах экономической науки на Западе. И то, и другое в первую очередь ассоциировалось с Америкой, частично с Европой. То, что абсолютное большинство Нобелевских лауреатов занимались

* Аспирант Центра экономических исследований и последипломного образования – Института экономики, CERGE-EI (г. Прага, Чехия), e-mail: maksim.tumilovich@cerge-ei.cz.

преподаванием и исследованиями на экономических факультетах американских университетов, говорило само за себя. Уже позднее, приобщившись к академической среде и на собственном опыте убедившись, как далеко могут завести иллюзорные представления постороннего человека, я пересмотрел свою точку зрения. Более глубокие знания математики позволили критически оценить достижения экономической науки и хваленое качество образования. И впечатление сложилось далеко не радостное. Как выяснилось, Нобелевские премии по экономике могут получить люди, которые, собственно говоря, никогда экономикой не занимались и не понимали ее. Любая взятая наугад статья в престижном экономическом журнале с большой вероятностью окажется пустым нагромождением математических символов, под сложностью технического анализа скрывающим отсутствие какой-либо, хотя бы единственной, здоровой идеи. Известный в научном мире экономист на вопрос студента о возможности экономической интерпретации рассмотренной им формальной модели признался, что таковой не имеется, и он же смог простодушно заявить, что несет ответственность лишь за алгебру, а за экономической трактовкой следует обратиться к его коллеге¹. Суть экономического образования сводится к постижению языка математики, а суть современной экономической науки – к идеологическому оправданию постулатов и достоинств либерализма вместо объяснения механизма функционирования реальной экономики. Засилье формализма – так можно кратко охарактеризовать состояние современного экономического образования и науки. Преобладает подход, базирующийся на формальных доказательствах теорем в рамках сугубо математических концепций, для которого характерно чрезмерное внимание к бессмысленным абстракциям и техническим моделям как объектам анализа, абсолютно оторванным от реальности. Основная задача экономической науки – понимание реальных экономических процессов и разработка мер экономической политики – остается на заднем плане или же вовсе отсутствует. Именно культ математики привел к преувеличению значения формы в ущерб содержанию экономических аргументов. Формализму и его пагубному влиянию на экономическое образование и экономическую науку и посвящена данная работа.

2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Экономика как абсолютно формалистская и техническая дисциплина отбила у студентов охоту изучать ее.

Марк Блауг

Немного фактов... В 1991 г. вышел в свет доклад Комиссии о докторском экономическом образовании, сформированной по инициативе Американской

¹ В частной беседе один из друзей поведал мне историю, как на лекции в Чикагском университете Томас Сарджент посоветовал обратиться за экономическим объяснением к Роберту Лукасу.

экономической ассоциации² с целью «выяснения, что делается в экономическом образовании и какие результаты мы получаем... Главный вопрос, конечно, заключается в направлении экономических исследований и приложении ресурсов» (Krueger (1991)). В докладе отмечается, что за последние годы популярность магистерского и докторского экономического образования в США резко снизилась, и студенты предпочитают изучать бизнес или государственную политику. Это отразилось на количестве присужденных степеней: если на протяжении последних десятилетий количество магистерских и докторских степеней по экономике застыло на уровне около 2800 в год, то число степеней магистров делового администрирования и государственного управления достигло отметки соответственно около 67000 и 4700 в год. Дэвид Коландер пишет, что самые одаренные американские студенты давно отказались от экономики, поскольку выбор в пользу шести лет относительной бедности и лишений может сделать лишь человек либо неосведомленный, либо на самом деле желающий посвятить себя науке (Colander (2001), 2)³.

В докладе также отмечается глубокая неудовлетворенность работодателей новоиспеченными докторами экономики и признается, что докторские программы практически не готовят специалистов, которые могут найти работу и реализовать себя вне академической среды. По словам Хансена, опрошенные работодатели согласились с тем, что нанятые ими экономисты лучше подготовлены в технических аспектах, но имеют слабые фундаментальные знания в области экономики, менее искусны в эмпирических исследованиях и мало заинтересованы в прикладных вопросах, неспособны эффективно продемонстрировать свои экономические знания и, особенно, источники и результаты собственных работ. Работодателей смущает отсутствие у новых докторов знания экономических институтов. Они также отмечают слабое понимание ими экономических данных и низкую способность к их интерпретации (Hansen (1991), 1085). Комиссия пришла к выводу, что экономическое образование вооружает достаточно хорошими математическими навыками и инструментами анализа, но не дает понимания экономических проблем и институтов, а также не учит тому, как применять эти самые навыки и инструменты на практике. «Вызывает озабоченность степень, в какой докторское экономическое образование стало чрезвычайно оторванным от реальных экономических проблем» (Krueger (1991), 1039). И еще: «Комиссия опасается, что докторские программы могут выпускать поколения экономистов, разбирающихся только в узкой области знаний и

² Членами комиссии были Анна Крюгер, Кеннет Эрроу, Оливер Бланшар, Алан Блиндер, Клаудиа Гольдин, Эдвард Лимер, Роберт Лукас, Джон Панцар, Рудольф Пеннер, Пол Шульц, Джозеф Стиглиц и Лоуренс Саммерс.

³ С 1977 по 1989 гг. количество присужденных американцам докторских степеней сократилось с 67.3 до 42.2%; на начало 1990-х гг. выбор в пользу докторских программ по экономике делали чуть более 3% американских студентов, изучающих экономику в университетах (Hansen (1991), 1058). Неисключено, что определенную роль в растущей формализации экономического образования на докторском уровне сыграла увеличивающаяся доля иностранных студентов экономических факультетов, для которых учеба в США означает возможность эмиграции.

квалифицированных в технических деталях, но невежественных в реальных экономических вопросах...» (Krueger (1991), 1044).

Комиссия признает, что завышенные требования к знанию математики и статистики являются зачастую непреодолимым барьером для потенциально творческих и мыслящих экономистов, в то время как докторские степени могут достаться физикам или математикам, неспособным ориентироваться в простейших экономических вопросах. Например, затруднения может вызвать вопрос, почему заработки парикмахеров с течением времени выросли, хотя производительность их труда оставалась практически неизменной на протяжении целого столетия. Отдельной проблемой становится полная растерянность многих студентов при выборе темы диссертации, поскольку программа обучения, на первом году предполагающая в основном приобретение технических навыков, не только не способствует развитию творческого потенциала, но скорее подавляет его и лишает студентов ощущения реальности, в результате чего экономиста представляется неким миром формул, теорем и доказательств. МакКлоски в письме к студенту на вопрос о том, стоит ли учиться экономике, отвечает в ярком публицистическом стиле: «Курсы экономической теории на первом году обучения действительно не представляют собой ничего ценного, это лишь жестокая проверка на выносливость и интеллектуальные способности... Вы скоро поймете, что вся та ерунда, которая преподается на первом курсе, малопригодна для реальной экономической науки» (McCloskey (1997)). Второй год обучения с акцентом на прикладные курсы⁴ призван восполнить этот пробел, но он также не отвечает требованиям 50% докторантов, которые жалуются на отсутствие фактов, информации об институтах, анализа данных, применения теории и практических вопросов экономической политики (Hansen (1991), 1076). К тому же, на второй курс обучения, где появляется едва ли не единственная возможность проявить полет экономической мысли и интуиции, экономист может просто не попасть, к примеру, не сдав экзамен по топологии в рамках теории общего равновесия⁵. Складывается парадоксальная ситуация: для того чтобы получить степень доктора экономики, совсем не обязательно разбираться в экономике⁶. Дэвид Коландер

⁴ Международная экономика, экономика отраслевых рынков, экономика развивающихся стран, экономика труда, финансы и прочие.

⁵ Различные университеты по-разному подходят к набору студентов. Например, Принстонский университет предпочитает брать лишь тех, в ком есть уверенность, что человек выдержит трудности и дойдет до конца – отсюда и небольшой отсев в процессе обучения. Чикагский университет пошел по другому пути – набирает всех желающих, а затем отчисляет половину студентов, не сдавших итоговый экзамен за первый год обучения. Есть, правда, одна общая черта: оба университета предпочитают набирать математиков – их не надо переучивать, как экономистов, мэйнстриму, к тому же они задают меньше вопросов. Лукас тонко намекает, что, мол, если поступающий не отличает закрытое множество от открытого и не имеет представления о теореме о неподвижной точке, то ему на экономическом факультете делать нечего.

⁶ Преподаватели отмечают, что лишь 13% студентов после окончания второго курса готовы заниматься исследованиями и лишь 21% диссертаций действительно вносят вклад в развитие экономической науки (Hansen (1991), 1077, 1080).

и Арджо Кламер провели исследование среди участников 10 ведущих американских докторских программ (Colander, Klamer (1987)). Докторантам был задан вопрос, что требуется для успеха участникам академической программы. 43% опрошенных заявили, что чтение экономической литературы *не* является условием профессионального успеха, а 68% сделали тот же вывод в отношении понимания реальных экономических процессов. О том, что эти вещи важны, сказали лишь соответственно 10 и 3%. А что же тогда важно? 65% студентов ответили, что умение обращаться с моделями и 57% – владение математикой. Только 3 и 2% согласились с тем, что эти качества несущественны для экономиста. Исследование было проведено в 1987 г., и его результаты многих поразили, заставив согласиться с тем, что недооценивалось значение связи между эмпирическими корнями экономического знания и техническими навыками, как математическими, так и эконометрическими. Но... с тех пор мало что изменилось. Тот же Коландер отмечает, что единственное изменение касается организации университетами краткосрочных летних курсов, призванных восполнить недостатки математических знаний (Colander (2001), 139). Но эта мера не решает проблемы, а скорее лишь усугубляет ее, задавая тон глубокой математической направленности основного обучения и оставляя в тени его экономическое содержание.

Отрыв от реальных проблем экономики, доминирование неоклассической теории, забвение истории экономической мысли, недостаток междисциплинарного знания, бесконтрольное использование математики, догматические методы преподавания, не оставляющие места для критических размышлений, отсутствие внимания и интереса к студентам со стороны вечно занятых своими «бесценными» исследованиями профессоров – все это действительно существует. Вместе с тем стоит отметить, что критическое отношение к тому, как преподается экономика и какого плана исследованиями занимаются экономисты, редко находит должное понимание среди профессоров – те делают вид, что все в порядке, а студентам не следует задаваться вопросами о бесполезности предлагаемого экономического знания. Коландер пишет, что с годами система отсеяла недовольных существующим положением вещей, и на кафедрах остались в большинстве своем технически подготовленные преподаватели, которые в свое время прошли через математическое сито и ныне вполне комфортно себя ощущают в креслах формализма (Colander (2001), 144). Для них понимание мира происходит через призму формальных моделей, они находят удовольствие, копаясь в математических деталях, представляющих собой какие-либо характеристики мира абстракций. Пытаясь аргументировать свою позицию по какой-либо экономической проблеме, вы можете столкнуться с вопросом, а есть ли у вас формальная модель рассматриваемого процесса? Если нет, тогда и обсуждать нечего. Они не понимают претензий к засилью формализма и потере современной экономикой чувства реальности. Они судят не по способности студентов экономически мыслить – приоритет отдается способности расширить границы формалистских теорий. А главное, они не понимают роли экономического знания и искусства проведения экономической политики. «Политика предназначена для простаков, в то время как наука

гораздо изошреннее и привлекательнее», – настаивают они и соответствующим образом настраивают студентов⁷. У тех же преподавателей, которые ратуют за необходимость перемен и готовы предложить конструктивные нововведения (а такие, безусловно, имеются), «обнаруживается чувство беспомощности и убеждение в том, что, несмотря на желательность изменений, они вряд ли произойдут» (Hansen (1991), 1067).

Любопытны изменения, происходящие в оценке докторантами значимости конкретных составляющих обучения и профессиональных качеств во время и после окончания докторской программы. Нельзя отрицать, что многие выпускники идут работать в бизнес и государственные учреждения. Забавно, однако, что, хотя докторская степень там зачастую является необходимым или желательным условием для получения работы, успеха добиваются те, кто быстро забывает большую часть того, чему учили на докторской программе (исключения составляют разве что должности в исследовательских учреждениях). Первоочередное значение при поступлении на работу придается коммуникабельности, способности применять знания на практике и критически мыслить, то есть тем качествам, которые практически не нужны для участия в докторских программах. В то же время математические навыки и умение решать абстрактные задачи перемещаются с первого на последнее место, а знание экономической теории уступает место знанию конкретных проблем экономики, государства и общества. Для многих же осознание, что многолетнее изнурительное образование дало лишь малую толику знания, действительно имеющего отношение к реальной экономике и востребованного в жизни, так и остается непреодолимым препятствием для самореализации, и они идут в науку. И даже там математика, эконометрика, решение абстрактных задач и доказательство теорем оказываются менее актуальными по сравнению с творческими способностями к поиску новых тем исследований, анализу данных, проверке и объяснению результатов теоретических построений. Интересен и тот факт, подмеченный Хансеном, что «средний уровень математики, используемой докторантами в их собственных исследованиях и диссертациях, остается примерно на том же уровне, как и при поступлении на докторскую программу» (Hansen (1991), 1074). Нетрудно сделать вывод, что на порядок более высокие требования к знанию продвинутой математики, предъявляемые при изучении основных курсов первого года обучения, являются не чем иным, как эффективным барьером, отсеивающим «слабых» студентов, а точнее, препятствующим проникновению в программу потенциальных диссидентов. Кроме того, берусь утверждать, что докторское экономическое образование не отличается направленностью на развитие критического восприятия мира и творческого потенциала, а от представителей технических наук трудно ожи-

⁷ Пол Волкер, бывший председатель Совета директоров ФРС в 1979–1987 гг., спросил на встрече со студентами Йельского университета, сколько из них собирается пойти на государственную службу. Из 357 человек лишь один ответил, что имеет такие планы. Волкер пишет: «Я всегда думал, что, возможно, он неправильно понял вопрос в анкете» (Volcker (1994), 24).

дать формирования собственной, независимой позиции в отношении актуальности экономического знания или значения какой-либо теоретической школы. Засильем формализма, как правило, недовольны студенты с экономическим образованием, не получающие удовольствия от пустого теоретизирования и умеющие отделять зерна от плевел – экономическое знание от математического суррогата, который преподносят как новейшие достижения науки. От таких предпочитают избавляться. Такова система. Есть исключения, но это тот случай, когда говорят, что исключения подтверждают правило.

В заключение – несколько общих выводов о проблемах экономического образования, сделанных вышеупомянутой комиссией и приведенных в статье Хансена. Во-первых, содержание и структура курсов докторских программ по экономике не отличаются разнообразием, в то время как сливки снимают университеты с лучшей репутацией. Во-вторых, чрезмерный акцент на обучение формальным методам при отсутствии исследовательской направленности не позволяет подготовить докторантов к проведению собственных научных изысканий. В-третьих, академическая наука и докторское образование в большинстве своем заражены формализмом и далеки от проблем реальной экономики, в том числе и потому, что формальные методы экономического анализа легче преподавать, и они позволяют быстро добиться успеха в научной среде. В-четвертых, многие выпускаемые доктора экономики плохо подготовлены и для преподавания, и для научной работы, и для выполнения обязанностей вне академической среды.

3. СТАНОВЛЕНИЕ ФОРМАЛИЗМА

Экономика (перед Второй мировой войной) была спящей принцессой, ожидающей вдохновляющего поцелуя Джона Мейнарда Кейнса... но... экономика также ожидала и вдохновляющего поцелуя математики.

Пол Самуэльсон

Формалистская революция началась в 1930-е гг. Рой Вайнтрауб в своей последней книге «Как экономика стала математической наукой» пишет, что движущей силой формализации и аксиоматизации экономики стали исследования немецкого математика Дэвида Хилберта, а от него нить тянется к Джону фон Нейману и ультраформалистской школе Бурбаки во Франции, из стен которой вышел Жерар Дебре (Weintraub (2002)), которому в данной статье уделено особое внимание. Экономисты того времени с осторожностью оперировали математическими методами анализа, осознавая их ограниченность и понимая, что математика может увести от экономических проблем в сторону интеллектуально привлекательных игрушек и далеких от реальности моделей. Предпочтение отдавалось не формальным построениям, а вербальному, содержательному изложению аргументов. Ситуация резко изменилась в 1950-е гг., после того как Пол Самуэльсон в 1947 г. опубликовал свой «поце-

луй» – докторскую диссертацию с претенциозным названием «Основания экономического анализа», а в 1954 г. Кеннет Эрроу и Жерар Дебре предложили доказательство существования равновесного состояния в конкурентной экономике. Марк Блауг иронически отметил, что книга Самуэльсона и статья Эрроу и Дебре с равным успехом «могли бы быть написаны и на санскрите, судя по той степени непонимания, с которой работы были встречены поколением ортодоксальных довоенных экономистов» (Blaug (1998a)). И это неудивительно, поскольку в них нет ничего от экономики, одна математика. С тех пор использование математического инструментария в неоклассической экономике стало резко нарастать.

Точные науки достигли больших успехов в различных сферах, и всеобщее восхищение физикой укрепило тенденцию развития экономики по пути точных наук. Как пишет Блауг, «экономика желала выглядеть точно так же, как физика... Это привело к математизации, математическому моделированию, формальному моделированию, а в результате – к преклонению перед технической стороной анализа и формальной элегантностью» (Blaug (1998b)). Математика способствовала распространению механистического взгляда на общество и внедрению умеренного кейнсианства в неоклассический механизм саморегулирования. С точки зрения сторонников Бурбаки аксиоматические математические конструкции следовало рассматривать исключительно с позиций непротиворечивости их логической структуры и абсолютно отдельно от физического мира. Математика привела к усилению роли так называемой «научной экономики» с ее пониманием экономической теории как системы с универсальными, неизблемыми законами бытия и дистанцированием от вышедшей из моды и менее строгой в математическом смысле «политической экономии». В результате экономическая теория оказалась неспособной к объяснению сложных социальных систем, где наблюдаемые феномены не подлежат формальному описанию при помощи любых уравнений.

Хотя формализм изначально был привнесен в экономическую науку для достижения большей прозрачности и точности, подобный технический подход, по сути, внес еще больше неразберихи, пытаясь объяснить действия индивидов и отношения между ними посредством символов. Внедрение в социальные науки методов точных наук лишь в небольшой степени способствует улучшению качества анализа и расширению его границ. При этом возникает множество проблем, связанных с тем, что формальный подход опирается на абстракцию, зачастую в процессе упрощения искажающую важные характеристики объекта исследования. Такие не подлежащие формализации детерминанты, как права собственности, институциональное устройство, юридические законы, неформальные правила поведения, роль информации, неадекватность политиков и ограничения при проведении экономической политики, как правило, молчаливо исключаются из анализа и в конечном итоге о них просто забывают. Цена, которую экономическая наука платит за пренебрежение познавательной функцией, игнорирование действительности и увлечение формальной точностью изложения, – все более сильное отклонение от истины и связанная с этим потеря актуальности. Как отмечает Пол

Ормерод, «ортодоксальная экономика во многих аспектах все еще представляется пустым ящиком. Ее понимание мира подобно пониманию мира физической средних веков. Отдельные идеи, которые получили признание, выдержат проверку временем, но их на самом деле слишком мало, в то время как основа экономической науки полна изъянов» (Ormerod (1997), 5).

4. КРИЗИС «КОРОЛЕВЫ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК»

Предельная строгость формальной экономики слишком часто оказывалась прокрустовым ложем: вместо объяснения реального мира (номинальная цель всех наук) она создавала преграду между экономистами и явлениями, которые они пытались объяснить.

Ричард Паркер

Экономическая теория в кризисе. Формализм привел к выхолащиванию ее сути как социальной науки, заменив экономическую мысль и искусство экономической политики мертвой, сугубо академической разновидностью социальной математики. Экономика потеряла себя, когда в неистовых попытках втиснуть реальный мир и экономическое знание в теоретические конструкции, как правило построенные по математическим канонам, экономисты перестали заботиться о содержании и адекватности экономической теории, придавая первоочередное значение форме, в которой последняя могла быть представлена.

Прежде чем перейти к критике современного состояния экономической науки, следует остановиться на двух ключевых идеях. Карл Поппер в книге «Логика научного открытия» разработал критерий, позволяющий различать научное и ненаучное знание: обобщения и выводы науки можно опровергнуть, а псевдонауки – нет (Popper (1959)). Теренс Хатчисон в книге «Позитивная экономика и цели экономической политики» подверг критике предположение о существовании абсолютного знания и поднял вопрос о возможности фальсификации или опровержения в экономической теории (Hutchison (1964)). Научные идеи, теории, гипотезы должны в принципе подлежать фальсификации или опровержению с помощью очевидных эмпирических фактов, которые, будучи представленными на суд научной объективности, поставили бы под вопрос обоснованность и актуальность теории и вынудили исследователя отказаться от ее ложных посылок. Если ты не можешь что-либо опровергнуть, то как ты можешь доказать, что это верно? Вторая идея касается критерия, предложенного Милтоном Фридманом в «Эссе о позитивной экономике» для проведения различия между верными и ложными теориями: конечная цель экономической науки – разработка теории или гипотезы, которые позволяют прогнозировать будущие экономические явления с высокой степенью достоверности (Friedman (1952)). Фридман выступил с резкой критикой экономистов, которые основное внимание уделяли техническим деталям, но

не заботились о прогностической способности своих моделей. По его мнению, о теории нельзя судить на основе точности исходных предпосылок, даже если они выглядят вполне правдоподобными. В действительности они могут быть даже некорректными, но если они позволяют заглянуть в будущее и сделать верные выводы в отношении экономической политики, то соответствующая модель должна считаться верной.

Блауг пишет, что склонность экономистов разговаривать на языке математики не случайна: приверженцы формального подхода видят в математике средство для достижения абсолютной истины (Blaug (1998b)). Неуклонное стремление следовать стандартам точности, логики и абстракции, принятым в математике, вызвано желанием получить такие же неопровержимые результаты, как в точных науках. Джордж Стиглер, лидер Чикагской школы, как-то высокомерно заметил, что «без математики мы опустили бы до уровня социологов и им подобных...» (цит. по Parker (1993)). Ему вторит и Жерар Дебре: «Стремительное развитие математической экономики... сделало возможным для исследователей оперировать точно постулированными и безупречно доказанными выводами...» (Debreu (1986), 1266). С точки зрения математиков экономические концепции были чересчур расплывчатыми, внутренне противоречивыми и слишком субъективными, и поэтому вместо них были предложены формализованные объекты, очищенные от возможного разночтения и идеологической окраски. Как пишет Дебре, «если убрать экономическую интерпретацию примитивных концепций, предпосылок и заключений модели, то ее голая математическая структура остается нерушимой» (Debreu (1986), 1265). Он не заметил, к сожалению, что подобная практика обернулась величайшей слабостью экономики, состоящей в том, что в наши дни существенная часть экономической теории не может быть опровергнута, в том числе и вследствие отрыва от действительности и потери экономического содержания. Блауг отмечает, что экономисты на словах, как правило, соглашаются с тем, что теория должна соответствовать фактам, однако дальше этого они не заходят (Blaug (1998b)). Они редко понимают значение идеи фальсифицируемости и вместо корректировки и пересмотра своих теорий предпочитают игнорировать действительность. В случае совсем уж вопиющего несоответствия простых фактов экономической жизни и научных идей, их с готовностью называют «загадками» или «парадоксами» и для обхождения острых углов прибегают к различным техническим уловкам, в большинстве случаев абсурдным с точки зрения здравого смысла. На вопрос «Примеры каких теорий вы могли бы привести, доказательства несостоятельности которых были наиболее очевидными, но экономическая наука их не отвергла?» Блауг ответил: «Школа рациональных ожиданий и неоклассическая экономика. Их выводы о том, что государственная политика не может воздействовать на реальный выпуск, доходы и занятость в экономике, опровергаются вновь и вновь. И ведущие пропагандисты и последователи классической ортодоксальной экономики действительно признают существование противоречащих фактов. Тем не менее новая классическая макроэкономика по-прежнему преподносится во всех учебниках и по-прежнему существует множество макроэкономистов, горячо убеж-

денных в том, что классическая экономика базируется на прочном фундаменте, а люди руководствуются рациональными ожиданиями» (Blaug (1998b)). «Научный» статус экономики представляется некоей фиктивной ценностью, которой гордятся формалисты, не понимая того, что экономика является той отраслью знания, где абстрактно-догматическая теоретическая системность теряет практическую значимость в отрыве от конкретных обстоятельств и особенностей экономического развития отдельной анализируемой страны. Теория может быть логически непротиворечивой, полной, законченной, но практически бесполезной в силу заикленности на отвлеченных темах, представляющих сугубо академический интерес. Решение конкретных проблем, прогноз развития экономической ситуации, анализ мер экономической политики отсутствуют, поскольку нет ясного общего представления, как же на самом деле работает экономика. Виртуальные модели отражают виртуальные идеи, основанные на виртуальных предпосылках, причем современная неоклассическая парадигма их построения ставит во главу угла лишь исследование рынка на основе критерия оптимальности по Парето. Как пишет Коландер, пытаясь убедиться в том, что их исследования являются «бесценными», экономисты придумали руководящий принцип экономики благосостояния, который по существу устранил их прямую роль в экономической политике. В поиске идеологической безупречности они разработали формальный анализ, который и отстранил их от политики» (Colander (2001), 7).

Значительную часть «научной» экономики – так называемой экономической, но по сути математической теории – составляет формулировка лемм и теорем, их доказательство, а также выработка методов построения и проверки формальных моделей. Теория стала вещью в себе, в которой демонстрация математической виртуозности зачастую используется лишь для того, чтобы произвести впечатление на неискушенного читателя и скрыть тривиальность собственных идей. Рональд Коуз, Нобелевский лауреат 1991 г., в инаугурационной речи по этому поводу с насмешкой сказал: «В годы моей юности то, что звучало глупо на словах, можно было спеть. В современной экономике это можно выразить математически». На самом деле все самые здравые экономические идеи легко могут быть высказаны простой и понятной прозой, если же их можно изложить только на языке математики, то и полезность их невелика. Объяснение этому кроется в самой природе подлинно экономического знания, которое в первую очередь представляет собой длительный опыт наблюдения за экономическими процессами и их интерпретацию через призму экономической политики.

Влияние и распространение формализма неизбежно связано с приходом в экономическую науку дилетантов, некомпетентность которых в вопросах реальной экономической жизни скрывается за ширмой владения теоретическими знаниями и стремления придать авторитет своим изысканиям с помощью причудливого набора инструментов математического анализа. Если автор не способен представить свою теорию в доступной вербальной форме, то это явный признак того, что он и сам понимает ее не слишком глубоко. Образно говоря, формализм для дилетанта – как костыль для хромого. Надо пус-

тить пыль в глаза – используй математику; не так уж важно, что сказать по сути нечего. Вайнтрауб предположил, что жалобы критиков формализма в экономике поутихли бы, если бы они лучше разобрались в исторической эволюции самой математики и ее применении в экономике (Weintraub (2002)). Но это всего лишь отговорка, поскольку он не дает ответа на вопросы, а зачем, собственно, нужен формализм, и на самом ли деле он неизбежен и желателен для прогресса науки? Думается, что восторги в адрес формализма имеют под собой иную почву. Чем более сложные пласты знания затрагиваются, тем очевиднее невежество и никчемность формалистов; чем более обширные и глубокие аспекты социальной системы становятся объектом исследования, тем более взаимоисключающими являются экономическая значимость (или актуальность) и формалистская трактовка, ее точность и стройность. Формализм позволяет скрыть бессмысленность аргумента (которую легко продемонстрировала бы прозрачность прозы) за нагромождением алгебраических символов, формул, теорем, доказательств.

Формализм приносит доходы множеству людей, предлагающих не новое знание, а лишь математическую интерпретацию самых простых из существующих идей, причем эта интерпретация востребована лишь узким кругом специалистов подобного рода. Когда это необходимо, они пылко отстаивают вообразимую значимость чисто академической науки, с присущим им снобизмом предполагая, что теория должна быть достоянием и прерогативой пионеров науки, в то время как практикой обязаны заниматься менее высокие умы. Могут также упомянуть, что подобная проблема существует не только в экономике, но в других социальных науках. Но сути это не меняет⁸.

Почти нулевая социальная ценность современных экономических изысканий является хорошим свидетельством кризиса науки. Любопытное критическое замечание высказал Ормерод: «Экономические исследования в Европе проводятся в соответствии с директивами, которым мог бы позавидовать Госплан в бывшем Советском Союзе. Центральный комитет указывает направления исследований и методологию, которой необходимо придерживаться. Приказ рассылается по фабрикам – экономическим факультетам – и в соответствии с указаниями пишется огромное количество статей, чтобы претендовать на последующие государственные гранты. Единственная проблема состоит в том, что только небольшая доля из написанного представляет некий интерес для кого-то постороннего, и научные труды пылятся в офисах центрального комитета... Подобная проблема не нова и для Соединенных Штатов. Дисциплина, с которой ортодоксия насаждается во многих амери-

⁸ Отдельные экономисты в попытке оправдать формализм и аксиоматизацию экономики приводят в качестве примера статью Пола Кругмана, в которой тот тактично указывает на ошибочные выводы журналиста и обвиняет его в политически мотивированном злоупотреблении фактами (Krugman (1998)). Примечательно, что его статья произвела эффект, обратный ожидаемому, вот только формалисты так этого и не поняли. Кругман показал, как без помощи математики или языка символов, используя в качестве экономического аргумента лишь простейшее статистическое равенство из платежного баланса, можно четко рассуждать и прийти к логически непротиворечивым и однозначным выводам.

канских университетах, весьма строга... и следует причудливым шизофреническим канонам. Общепринятый подход преобладает и задает тон всему остальному миру. Вместе с тем большинство инноваций, необходимых для восстановления здравомыслия экономической теории, исходят все-таки из Америки...» (Ormerod (1997), 6).

Это сказано не для демонстрации бесполезности всей экономической науки. Но просто откройте наугад любой из престижных академических журналов, который приветствует техническое изящество: в большинстве случаев попытка отыскать что-либо ценное окажется бесплодной. Набор критериев для публикации становится все более далеким от конечной цели экономической теории. Слишком мало экономистов ныне задаются вопросом, а расширяют ли их «опусы» наше понимание функционирования экономики? Что, кроме денег, заставляет их взяться за перо? Потеряет ли экономика как наука, если они откажутся писать вообще? Редакторы журналов судят о работе по предложенной автором модели и ее формальной изысканности. Блауг объясняет это огромным количеством статей, попадающих на столы редакторов и требующих чтения и рецензирования, что сделало необходимой разработку неких общепринятых стандартов для быстрой оценки качества и актуальности работы, предлагаемой к публикации (Blaug, 1998b). Он пишет: «Журнальные статьи, написанные математическим языком, намного легче оценивать, поскольку можно сразу увидеть, предложил ли автор стройную математическую модель». По мнению Коландера, это привело к тому, что «в этих журналах многие статьи являются просто методическими упражнениями. Они берут общую модель максимизации, немного ее переделывают, иногда просто путем использования иных терминов, и показывают, как эта модифицированная модель выглядит в рассматриваемом случае. Такие статьи дают мало или не дают вообще никаких принципиальных знаний для понимания реальной экономической политики, поскольку не отвечают на такие относящиеся к политике вопросы, как: Разумны ли основные предпосылки? Соответствуют ли цели, достигнутые моделью, нормативным установкам автора? Выполнима ли предложенная политика? У экономистов часто есть идеи по этим вопросам, но существующие методологические правила не позволяют ему их обсуждать – это не было бы хорошей наукой...» (Colander (2001), 59).

Бэкхауз, хотя и придерживается мнения, что формализм серьезным образом стимулировал развитие науки, вместе с тем полагает, что именно он породил проблемы современной экономики, неизбежные в процессе аксиоматизации (Backhouse (1998)). Построения формалистов зачастую оторваны от целостного представления о реальной экономике и разбивают цепь взаимосвязанных рассуждений на отдельно постулируемые, изолированные аксиомы, которые вследствие математического выхолащивания могут превратиться в массу разрозненных деталей. Преимущества формального выражения как разновидности экономического аргумента теряются вне эмпирического контекста в силу неоднозначности и неопределенности, присущей многим объектам экономических исследований. Экономические модели могут быть и являются мощным и действенным средством анализа экономических процес-

сов, но только в том случае, когда они служат применением теории, а не заменяют ее. Однако гегемония формалистов привела к противоположному результату: в качестве реальности рассматриваются сами модели, отсюда и банальные выводы, которые порождаются упрощенным, математическим видением экономики. Ученый может выстроить свои теоретические находки в форме стройного позитивного экономического знания, но он не должен забывать о нормативной стороне дела – экономической политике как конечной цели экономической теории. Гипотетическую состоятельность экономической модели позволяют оценить точность прогноза и предлагаемые инструменты достижения целей экономической политики. Это похоже на характерную черту, отличающую профессионального экономиста от голого теоретика, – способность анализировать данные и делать умозаключения об экономической ситуации, прогнозировать развитие экономики, предложить нужную экономическую политику. С этой точки зрения польза моделей заключается в том, что они представляют наше знание и накопленный опыт в сжатом виде, а также ставят и решают экономические проблемы, концентрируя внимание на самых существенных для их понимания факторах.

Но модель не существует вне экономических знаний ее автора. Модель – это ключ к сложному и беспорядочному миру, но не мир сам по себе. В июле 1938 г. Кейнс писал Рою Харроду, что «экономика – это наука мыслить в категориях моделей вкупе с искусством выбора моделей, соответствующих современному миру». Существует простой критерий оценки такого соответствия: модель есть способ эмпирической количественной оценки того, как экономика в среднем вела себя в прошлом и в какой степени от него отличаются ее нынешнее и будущее состояния, и поэтому она должна включать данные для анализа. Опять-таки, для того чтобы понять, в какой степени модель соответствует действительности, необходимо знать величину параметров, подлежащих экономической интерпретации, – простых статистических тестов на значимость переменных здесь недостаточно. Если в модели нет указанных характеристик, то она является скорее лишь имитацией «научности», вызванной стремлением автора представить свою теорию в аксиоматической форме, что, по его мнению, не каждому доступно в отличие от вербальной экономической аргументации. В подобных математических моделях и теоретических конструкциях отсутствуют такие общепринятые научные стандарты, как практическая применимость и проверка фактами. Экономическая интерпретация должна быть первостепенным, а не последним шагом анализа, как ошибочно думал Дебре, иначе, по словам Кейнса, «под прикрытием тщательного формализма» можно сделать «выводы, которые, будучи выраженными понятным языком, были бы немедленно отвергнуты разумом» (цит. по Chick (1998)).

Аксиоматический подход может в некоторой степени устранить неясность и неточность в логическом изложении теории, но он не может устранить неопределенность, присущую эмпирическим данным и самим объектам исследования. Для многих формалистов недостоверность и дефицит данных являются дополнительным аргументом в пользу чисто академического моделирования, хотя, казалось бы, здесь было бы разумным ограничить применение

формального подхода. Эмпирические данные представляют собой обязательный элемент экономического анализа, и если экономист их игнорирует, то он игнорирует и саму экономику. Точно так же можно рассуждать и по поводу поднимаемого Викторией Чик вопроса об отсутствии у формалистов беспристрастности и, напротив, наличии у исследователей предрасположенности искусственно подбирать предпосылки и формальные свойства моделей, исходя исключительно из соображения удобства для математических манипуляций, а не их экономического содержания (Chick (1998)). И действительно, во многих публикациях можно встретить исходные допущения, позволяющие построить «хорошие» функции, которые почти автоматически обеспечивают желаемые результаты. Как правило, основной упор делается либо на логарифмическую функцию, либо на необычную для экономики, но легко поддающуюся анализу функцию «постоянного коэффициента относительного неприятия риска», которые после дифференцирования дают банальные по своей простоте соотношения переменных. Математическое мышление начинает свой путь с абстракций и допущений, которые могут не иметь никакой связи с реальностью. Вместе с тем не существует никакого критерия для их оценки, кроме персонального предпочтения, и в этом формальные методы ничем не лучше неформальных, но последние позволяют получить несравненно более богатую структуру знания. Экономическая теория есть обнаружение и объяснение явлений реального мира, а не механистический поиск в хаосе предпосылок и математических деталей с целью сведения теории к набору непроверяемых общих теорем. Пока мы не согласимся с тем, что формализм хорош лишь для развития чистой логики и точных наук и что перегруженность экономической теории математикой необоснованна, ее ценность будет падать, а экономисты, по выражению Коландера, будут приносить меньше пользы, чем уборщики мусора (Colander (1991)). Фридрих Хайек также высказался по этому поводу в весьма критичной манере: «Если мы хотим сохранить репутацию науки и обуздать неправомерные претензии суммы знаний, имеющей внешнее сходство с познаниями в области физики, необходимо приложить множество усилий, чтобы разоблачить эти претензии, многие из которых уже стали объектом внимания групп с особыми интересами на факультетах известных университетов» (Hayek (1989), 6).

5. ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ

Математика пользуется популярностью, потому что она имеет тенденцию доказывать теории, представляющие сугубо математический, нежели общенаучный интерес.

Кеннет Эрроу

Коландер оптимистически заявляет: «Некоторые сугубо теоретические экономисты, оставшиеся верными формальной теории и концепции общего равновесия, обнаружили, что их анализ не подходит для выработки рекоменда-

ций для экономической политики» (Colander (2001), 8). В качестве примера он приводит Роберта Лукаса, который на вопрос о том, что бы он сделал, если бы его назначили в Совет экономических консультантов, ответил: «Уйду в отставку». Жерар Дебре, когда его спросили, применима ли его работа в экономической политике, ответил отрицательно. Честное признание из уст последнего многого стоит: когда ты пытаешься убедить соратников в абсолютной бесполезности и очевидной неприменимости своей теории для постижения реальных экономических процессов, то сталкиваешься с жестким сопротивлением со стороны тех, кому удобно и комфортно заниматься формально-техническим теоретизированием и представлять экономику как набор теорем. Поэтому хотелось бы уделить особое внимание яркому примеру формализма в виде монографии Дебре «Теория стоимости», которая в сжатом и законченном виде представила идеи теории общего равновесия на основе уже упомянутой статьи, написанной вместе с Эрроу (Debreu (1959)). Эта книга понятна лишь узкому кругу лиц с математическим образованием, и, тем не менее, Хан, еще один сторонник бурбакистского подхода к анализу экономики, отметил, что «несомненно, эта работа – веха в истории развития экономической теории».

Идея «невидимой руки» рынка Адама Смита в словесном изложении показалась экономистам недостаточно строгой, в силу чего отдельные представители взялись за ее математизацию. Первый шаг в этом направлении сделал именно Дебре, хотя его новаторство не дало по сути ничего нового. В предисловии к своей книге он заявляет, что «теория стоимости представлена здесь в соответствии со стандартами современной формалистской школы математики» (Debreu (1959), 10). Неудивительно, что там нет ни одной экономической идеи – сплошная математика. Суть работы заключается в непрерывной формализации чисто логических понятий без малейшего внимания к реальным экономическим проблемам. Абстракция и математическая эlegantность возведены в ранг самодостаточных характеристик. В отношении подобных «шедевров» Блауг верно пишет, что «мы превратили экономику в своеобразную разновидность социальной математики, которая использует понятия «цена», «рынок», «товар». Она выглядит как экономика, но когда вы прочитаете статью, в которой используются эти слова, вы поймете, что все взаимосвязи математические, все выводы получены математически, и нет ни единой мысли о том, а имеют ли эти математические переменные, концепции, функциональные связи какое-либо отношение к реальному миру» (Blaug (1998b)). На самом деле, любой может задаться вопросом, что общего имеют с экономикой такие вещи, как, например, сходящиеся последовательности, компактные множества, закрытые полупространства, выпуклые конусы с несколькими вершинами, разделяющие гиперплоскости, теоремы о фиксированных плоскостях, верхняя или нижняя полунепрерывности функций, квазилинейное программирование и прочее. Уверен, в мире есть множество хороших экономистов, которые никогда не слышали о таких понятиях и, тем не менее, ничуть от этого не страдают. В то время как Дебре полагает, что «приверженность строгости диктует аксиоматическую форму анализа, где теория, в строгом смысле

этого слова, логически полностью отделена от ее интерпретации» (Debreu (1959), 10), думается, что его работа представляет собой именно тот случай, когда сущность теории и результат были предопределены слепым следованием топологии. А в результате получилось, что общее равновесие – это ничто, пустое место, что очищение рынков – всего лишь постулат, а действия экономических агентов координируются при определенных предпосылках, которые уже сами по себе составляют понятие равновесия. Эта мертвая, статичная модель равновесия по всему миру преподается студентам на первом году обучения. Мир, в котором нет времени, нет прошлого и будущего, нет никакой динамики, нет неопределенности (которая, если ее включить, разрушит всю конструкцию). Многие студенты воспринимают эту теорию как невиданную мудрость, но в действительности она имеет нулевую ценность. Поэтому и через 40 лет после опубликования работы Дебре, отвечая на вопрос, в каких главных областях экономической теории не было прогресса, Марк Блауг сказал: «Рынки и как они на самом деле функционируют; то есть, как уравниваются спрос и предложение. Мы знаем черт знает как много о рыночном равновесии, но в действительности не знаем, каким же образом рынки приходят в равновесное состояние». Дебре и ему подобные вряд ли когда-нибудь задавались вопросом, можно ли говорить о равновесии, достигнутом в реальном мире. В конце концов, что собой представляет равновесие в экономике? О том, что бросается в глаза, обычно молчат: «равновесие» – это просто приемлемый набор значений с логически последовательной совокупностью предпосылок, а неравновесное состояние просто не имеет смысла в рамках данного методологического подхода. Очень точную характеристику этого дает Хайек: «Это есть система тавтологии – тот ряд предпосылок, которые неизбежно верны, поскольку они являются лишь трансформацией исходных предпосылок, которые составляют основное содержание анализа равновесия» (Hayek (1937), 9). «Современный анализ равновесия, – продолжает он, – превратил экономику в разновидность чистой логики, набор самодостаточных предпосылок, которые, подобно математике или геометрии, не подлежат никакой иной проверке, кроме проверки на внутреннюю непротиворечивость... Утверждение, что если люди знают все, то они находятся в равновесном состоянии, является верным, хотя бы просто потому, что именно так мы определяем понятие равновесия». Эту тривиальность маскирует сложность технического анализа, перекрывая внимание от содержания к форме.

Во введении к любой статье от автора обычно ожидают четкой постановки проблем и формулировки предлагаемых решений и выводов. Дебре утверждает, что главной целью его монографии является объяснение роли цен в достижении рыночной экономикой оптимального состояния, и это можно считать стоящим усилием. Однако уже через несколько страниц читателя охватывает сомнение в достижимости этой цели, или, по меньшей мере, в том, что в рамках заданной парадигмы автору удастся дать разумную интерпретацию системы цен. В результате автор заявляет, что «никакой теории денег здесь не предложено, и предполагается, что экономика функционирует без помощи какого-либо товара, играющего роль средства обращения и обмена. Поэтому

цены играют именно такую роль. С каждым товаром ассоциируется реальная цифра – его цена» (Debreu (1959), 28). Формалист примет это просто как безобидную предпосылку, в то время как экономист подвергнет сомнению обоснованность всего дальнейшего анализа, поскольку для него цена не может существовать без денег. Он отвергнет формальное доказательство существования рыночного равновесия по причине того, что если деньги исключены из анализа, то нет уверенности в том, что будет соблюдаться закон Вальраса, который заключается в том, что сумма избыточного спроса на всех рынках, умноженная на вектор цен, есть неотрицательное число (предпосылка сама по себе абсолютно абсурдная, но, тем не менее, она оказывается важной для доказательства).

Дебре может говорить сколько угодно, что исключение из анализа денег вместе с переходом от исчисления к выпуклости и другим топологическим характеристикам позволило упростить теорию и придать ей более обобщенный характер. Совершенно очевидно, что при этом она полностью утратила свое экономическое содержание. Во-первых, простота и обобщенность определены математически, а не эпистемологически. Во-вторых, несложно предположить, что Дебре сознательно исключил деньги в силу неизбежного противоречия между их положительной ценностью и нулевой предельной полезностью в ситуации равновесия. Статическое равновесие не нуждается в деньгах в силу выполняемых ими функций, и поэтому их цена должна быть нулевой, что является очевидным нарушением допущения о существовании положительных цен и непрерывности функций рыночного спроса. Утверждение, что деньги – это всего лишь «внешняя оболочка», не оказывающая влияния на реальную экономику, несерьезно и многократно опровергалось, хотя справедливости ради следует отметить, что в застывшей экономике Дебре, в которой нет места фактору времени, деньги действительно теряют свой смысл.

Нереалистичными являются и многие другие допущения. Положительный запас каждого товара у каждого индивида подразумевает, что у каждого есть хотя бы небольшой бриллиант, запас урана, космический корабль и т. д. Кроме того, вызывает сомнения рациональность экономического субъекта – пожалуй, одна из остро дискуссионных тем в экономике. На самом деле все мы далеки от того, чтобы быть рациональными эгоистами, занятыми исключительно максимизацией собственной выгоды, поскольку все мы невольно ограничены желаниями, потребностями и целями иных людей, и наше поведение строится с учетом их интересов. Как правило, модель считается внутренне противоречивой, если в ней отсутствуют допущения, гарантирующие существование и стабильность равновесия. Такой подход смешон – жизнь, а не математика, диктует экономическую реальность, и если автор вынужден прибегать к неким абстрактным допущениям, то это наверняка означает потерю экономического смысла. Стоит ли рассуждать о пустом производственном множестве или единственности ценового вектора? И то, и другое является исключительно математическими концепциями: пустое множество просто в голову не придет экономисту из-за его абсурдности, а множественность равновесных цен вытекает из формализации рыночного равновесия, поскольку

конкретная цена данного товара в определенной мере является уникальной величиной во времени и в пространстве.

Не выдерживает критики и принцип Парето-оптимальности, ошибочно отождествляемый с рыночной эффективностью. Во-первых, в реальной экономике «Парето-оптимальным» является любое распределение богатства: трансферт покупательной способности, который увеличил бы благосостояние кого-либо без ухудшения благосостояния остальных, – всего лишь чистая абстракция, фикция, порождаемая специфически заданными математическими функциями полезности и предпочтений. Благо, экономисты все-таки предложили разумную интерпретацию Парето-оптимальности, которую можно использовать для оценки эффективности экономической политики: если политическая мера может улучшить благосостояние одной группы людей или компаний, но лишь за счет других, то убытки последних могут быть компенсированы из выигрыша первых через систему налогов и субсидий. Впрочем, подобная интерпретация, по сути, искажает основную идею известных теорем экономики благосостояния.

Интеллектуальная привлекательность концепции общего равновесия логически вытекает из предпосылок, определяющих конкурентное равновесие, которые и с математической точки зрения могут оказаться излишне строгими: каждая фирма максимизирует прибыль, каждый потребитель максимизирует полезность, спрос равен предложению на каждом рынке. Значение этой концепции преувеличено: наиболее ценная идея состоит в том, что взаимодействие между рынками и взаимосвязь мер экономической политики имеют принципиальное значение для объяснения и прогнозирования экономической деятельности и оценки последствий экономической политики. Главное, что все ресурсы, в том числе и людские, задействованы наиболее эффективным способом вследствие уникальной роли цен как рыночных сигналов. Однако идея эта не является достижением Эрроу и Дебре с их теоремами о разделяющих гиперплоскостях, а принадлежит она, как известно, экономистам австрийской школы Людвигу Мизесу и Фридриху Хайеку.

Главным уязвимым местом концепции является идеализированный мир, в котором для достижения равновесия необходимо, чтобы каждый индивид обладал полной информацией о рынке и мог составить полный список абсолютно всех возможных в будущем событий, иметь в голове отчетливый план действий в ответ на каждое из них и действовать в соответствии с рациональными ожиданиями. Функционирование экономической системы на макроуровне рассматривается по аналогии с рациональным поведением индивидов на микроуровне, хотя, не в пример математике, в социальных науках целое не совпадает с суммой его частей. В этом идеальном мире перераспределение дохода и богатства не может быть осуществлено без того, чтобы не ухудшить благосостояние хотя бы одного человека или фирмы. Соответственно, экономическая политика не имеет эффекта или же затрагивает чьи-то интересы. Отсюда следуют два вывода: государству нет места в экономике, а экономическая политика должна сводиться к расширению рынка и снятию возможных ограничений его функционирования. Это очень удобно – свести все к

Парето и на этом закончить, и неважно, является ли результат политически приемлемым и заложены ли в нем перспективы долгосрочного экономического роста. Ормерод по этому поводу саркастически замечает: «Каждый может легко заметить, что во всем мире многие ученые-экономисты, которые почти ежедневно обучают этому студентов, не видят вреда в осуществлении правительствами по крайней мере одной специфической деятельности – взимания налогов и выплаты зарплаты им самим и их организациям... Редко когда услышишь призывы сделать важный шаг по направлению к конкурентному равновесию путем прекращения их финансирования...» (Ormerod (1997), 72).

Что заставило Эрроу и Дебре взяться за перо? Вальрасу не удалось дать убедительное математическое доказательство того, что описывающая рынок система уравнений может иметь решение. Дебре и Эрроу применили теорему о неподвижной точке вместе с прочими математическими штучками и в результате нашли решение, то есть доказали, что равновесие существует. При этом они показали, что для его достижения нужны: рациональные, непрерывные, локально ненасыщаемые и выпуклые предпочтения; компактное, выпуклое производственное множество, включающее начало координат и наделенное свойством свободного избавления; компактное, выпуклое потребительское множество; положительный запас товаров; осуществимое распределение и др. Ну и что из этого? Велико ли достижение, если пропасть между теоретической моделью конкурентного равновесия и между тем, как функционирует реальная экономика, так и осталась пропастью, а работы их последователей оказались попытками сведения к минимуму самой возможности критики теории общего равновесия? Хан утверждал, что «...предельная отдача от времени, посвященного чтению Дебре, на самом деле велика...». Ввел в заблуждение? Насколько весомо интеллектуальное наследие Дебре, можно судить из следующего пассажа, где он, не вдаваясь в формальные детали, попытался объяснить суть теоремы о неподвижной точке и показать возможность ее применения в экономике: «С точки зрения всеобщей истории, существует полное соответствие математической концепции неподвижной точки и социальной концепции равновесия. Состояние социальной системы описывается перечнем действий каждого из ее членов. С учетом этого состояния, каждый агент реагирует на действия всех остальных агентов, выбирая оптимальный для себя вариант поведения. Перечень таких реакций дает новое состояние, и таким образом определяется трансформация множества состояний социальной системы в нее саму... Более обобщенно, если оптимальные реакции агентов в отношении конкретного состояния не имеют единственного определения, то каждое состояние системы ассоциируется не с одним, а с множеством новых состояний... Состояние системы является равновесным тогда и только тогда, когда оно является неподвижной точкой этой трансформации» (Debreu (1986), 1262). Судите сами, насколько полезно для понимания экономики подобное формалистское знание.

Проблема состоит в том, что Дебре, типичный представитель «специалистов, разбирающихся только в узкой области знаний и квалифицированных в технических деталях, но невежественных в вопросах реальной экономики»,

даже спустя много лет так и не понял, что же такое экономика и какие цели она преследует. Вот несколько примеров того, что представлялось ему занятием экономикой: «Например, рассмотрим характеристику функции агрегированного избыточного спроса в L -товарной экономике обмена. Такая функция отображает положительный ценовой вектор в ...»; «Рассмотрим экономику, состоящую из множества агентов, которые имеют в коллективном распоряжении положительные количества определенного числа товаров...» (Debreu (1986), 1266–1267). К сожалению, он не придавал значения тому факту, что в стремлении сделать теорию более строгой он извратил содержание ключевых концепций, и экономическая теория из суждения о реальном мире превратилась в теорему о свойствах абстрактной математической модели (Backhouse (1998), 1853). Ее эмпирическое содержание оказалось утраченным. Правда, Дебре не согласен с этой точкой зрения: «В своем развитии теория общего экономического равновесия достигла более высокого уровня абстракции. С этой новой точки зрения было достигнуто более глубокое понимание как математической формы, так и экономического содержания модели...» (Debreu (1986), 1268). Это высказывание вдохновило целое поколение новых дилетантов от экономики, для которых аксиоматизация стала самоцелью.

Реальная экономическая жизнь убедительно доказала ошибочность концепции общего равновесия. Трансформация в странах бывшего Советского Союза и Восточной Европы вскрыла подлинное невежество формалистов в вопросах, как же в действительности работает рыночная экономика и что требуется для ее становления. В этом честно признается Блауг: «Проблемы трансформации в Восточной Европе отчетливо продемонстрировали мне и многим другим экономистам, насколько однобоким был наш подход к рынкам, рыночному механизму и капитализму. Создание рынков – это не просто теория общего равновесия Жерара Дебре. Она не очень помогает. В действительности же она, возможно, способна ввести в заблуждение тех, кто размышляет об этих проблемах» (Blaug (1998b)).

6. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Вместо заключения хотелось бы процитировать Викторию Чик: «Тот факт, что формалисты присвоили понятие «экономическая теория» применительно исключительно к их подходу, и что все мы позволили им это – позор и унижение» (Chick (1998), 1868).

ЛИТЕРАТУРА

Arrow, K., Debreu, G. (1954) Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy, *Econometrica*, 22, 3.

Backhouse, R. (1998) If Mathematics Is Informal, Then Perhaps We Should Accept That Economics Must Be Informal Too, *Economic Journal*, 108.

Blaug, M. (1998a) The Formalist Revolution or What Happened to Orthodox Economics After World War II, *University of Exeter Discussion Paper in Economics*.

- Blaug, M. (1998b) The Problems With Formalism, *Challenge*.
- Chick, V. (1998) On Knowing One's Place, *Economic Journal*, 108.
- Colander, D. (1991) *Why Aren't Economists as Important as Garbagemen? Essays on the State of Economics*, Armonk, M.E. Sharpe.
- Colander, D. (2001) *The Lost Art of Economics. Essays on Economics and Economic Profession*, Edward Elgar.
- Colander, D., Klamer, A. (1987) The Making of an Economist, *Journal of Economic Perspectives*.
- Debreu, G. (1959) Theory of Value. An Axiomatic Analysis of Economic Equilibrium, *Cowles Foundation Monograph*, 17.
- Debreu, G. (1986) Theoretical Models: Mathematical Form and Economic Content, *Econometrica*, 54, 6.
- Friedman, M. (1952) *Essays on Positive Economics*, Chicago, University of Chicago Press.
- Hansen, W.L. (1991) The Education and Training of Economics Doctorates: Major Findings of the American Economic Association's Commission on Graduate Education in Economics, *Journal of Economic Literature*, 29, 3.
- Hayek, F. (1989) The Pretence of Knowledge, *American Economic Review*, 79, 6.
- Hutchison, T. (1964) *Positive Economics and Policy Objectives*, London, Allen and Unwin.
- Krugman, P. (1998) Two Cheers for Formalism, *Economic Journal*, 108.
- Krueger, A. (1991) Report of the Commission on Graduate Education in Economics, *Journal of Economic Literature*, 29, 3, 1035–1053.
- McCloskey, D. (1997) Other Things Equal: Aunt Deirdre's Letter to a Graduate Student, *Eastern Economic Journal*.
- Ormerod, P. (1997) *The Death of Economics*, John Wiley and Sons.
- Parker, R. (1993) Can Economists Save Economics? *American Prospect*, 4, 13.
- Popper, K.R. (1959) *The Logic of Scientific Discovery*, London.
- Samuelson, P. (1947) *Foundations of Economic Analysis*, Cambridge, Harvard University Press.
- Volcker, P.A. (1994) The Human Factor and the Fed, D. Colander, D. Dewey (eds), *The Art of Monetary Policy*, Armonk, M.E. Sharpe.
- Weintraub, E.R. (2002) *How Economics Became a Mathematical Science*, Durham, Duke University Press.